

П. Г. Виноградов

**Книга для чтения по истории
средних веков**

**Составленная кружком
преподавателей. Выпуск 2.
Часть 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

- П11 **П. Г. Виноградов**
Книга для чтения по истории средних веков: Составленная кружком преподавателей. Выпуск 2. Часть 2 / П. Г. Виноградов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 505 с.

ISBN 978-5-519-14408-7

Павел Гаврилович Виноградов (англ. Paul Vinogradoff; 1854—1925) — крупнейший русский историк-медиевист и правовед. Ученик В. И. Герье, его преемник в Московском университете. Окончил 4-ю московскую гимназию с золотой медалью (1871). Поступив в Московский университет на историко-филологический факультет в 1871 году он с первого же курса начал посещать семинарий В. И. Герье. Оставленный в 1875 году при университете для приготовления к профессорскому званию, он отправился в заграничную командировку, причём фактически за свой счёт — для издательства К. Т. Солдатёнова он выполнил перевод «Истории цивилизации во Франции» Ф. Гизо. В Берлине он занимался у Теодора Моммзена и Генриха Бруннера, слушал лекции Леопольда фон Ранке. После возвращения из-за границы в 1876 году Виноградов стал преподавать на Высших женских курсах, а позже — в университете сторонним преподавателем. С 1881 года, после защиты магистерской диссертации, приват-доцент; с 1884 года по 1889 год — экстраординарный профессор; в 1889—1901 годы — ординарный профессор кафедры всеобщей истории Московского университета. Член-корреспондент Императорской академии наук с 5 декабря 1892 года (действительный член — с 18 января 1914 года). В 1897 году был гласным Московской городской думы.

ISBN 978-5-519-14408-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А что же случилось съ туземнымъ населеніемъ Палестины? Населеніе въ городахъ и пригородныхъ областяхъ, надъ которыми еще недавно господствовали турки, было попрежнему главнымъ образомъ христіанскимъ и состояло изъ грековъ, армянъ, сирійцевъ, жившихъ промыслами и земледѣіемъ. Только въ немногихъ городахъ (Триполисъ, Бейрутъ, Сидонъ) магометане получили позволеніе жить и заниматься своими промыслами: пряденіемъ шерсти и тканіемъ: вся же масса арабскаго населенія подъ властью франковъ осталась въ селахъ на положеніи колоновъ (крѣпостныхъ), обрабатывавшихъ земли господъ и платившихъ имъ опредѣленную часть своего урожая. При первомъ завоеваніи рыцари присвоивали себѣ земли не только враговъ-магометанъ, но и всего христіанскаго населенія. Этими крестоносцы какъ бы толкали его въ лагерь турокъ. Съ теченіемъ времени франки замѣтили свою ошибку и сдѣлали христіанамъ рядъ уступокъ. Но сирійцы никогда не получили равенства съ франками и затаили свое недовольство. Франки не могли вполне полагаться на нихъ и считали ихъ лживыми, наклонными къ магометанству и культурѣ арабовъ, на языкъ которыхъ они и говорили, удерживая греческій только для богослуженія. По городамъ сирійцы занимались промыслами, въ сельскихъ областяхъ садоводствомъ и земледѣіемъ, напр., разведеніемъ сахарныхъ плантацій. Какъ разъ въ сельскихъ областяхъ добились они въ послѣдствіи, благодаря своему хозяйственному значенію, и болѣе независимости. По обычаю Іерусалимскаго королевства, тамъ, гдѣ они жили густой массой и составляли особыя общины (коммуны), сирійцы имѣли свои собственные суды (cours de reis—отъ арабскаго слова reis, т. е. староста) Подобныя же уступки, какъ сирійцамъ-христіанамъ, франки сдѣлали и еврейству: и въ Іерусалимскомъ королевствѣ и на Кипрѣ евреи пользовались неограниченной гражданской свободой. Въ сѣверной части Іерусалимскаго королевства важную долю населенія составляли армяне; съ выдающимися способностями къ торговлѣ они соединяли воинственность, часто рыцарскую, и подъ властью крестоносцевъ были по своему положенію приравнены къ сирійцамъ.

Паломниковъ и крестоносцевъ, которые приходили въ Палестину изъ сѣверныхъ, болѣе суровыхъ странъ, поражали роскошь и щедрость южной природы въ нѣкоторыхъ частяхъ Сиріи. Буркигартъ изъ Монте-Сіона, посѣтившій Востокъ около 1280 г., хвалитъ плодородіе густонаселенныхъ частей Ливана и Антиливана съ ихъ пастбищами, садами и виноградниками; мѣстность вокругъ Курд-

скаго укрѣпленія ¹⁾, по его словамъ, густо заселена крестьянскими дворами, покрыта насажденіями маслинъ и виноградниками и богата фруктовыми садами, рощами, лугами и водой. Раемъ показалась ему затѣмъ береговая полоса около Триполиса; нигдѣ онъ не видывалъ такого количества вина, оливокъ, фигъ и сахарнаго тростнику. Собственно земледѣльство далеко не было настолько развито, чтобы избавить страну отъ необходимости ввозить хлѣбъ съ Запада. Сѣяли, какъ и теперь, только пшеницу и ячмень, да нѣкоторые стручковые растенія: бобы, горохъ, чечевичу. Но зато садоводство достигало здѣсь высокой степени совершенства. Уже въ началѣ среднихъ вѣковъ вина Палестины считались самыми крѣпкими и благородными при дворѣ византійскихъ императоровъ. Буркгардтъ особенно хвалитъ лозы на высотахъ Вилеема и по скатамъ Ливана близъ Сидона. Маслины произрастали не только въ садахъ на равнинѣ Триполиса и по склонамъ Өавора; за Иорданомъ эти деревья попадались еще густыми рощами; самыя оливки собирались главнымъ образомъ на масло. Изъ фруктовыхъ деревьевъ обычными были: фиги, лимоны апельсины, гранаты, миндаль, но для болѣе привычныхъ франкамъ грушъ, яблокъ, вишенъ и орѣховъ условія почвы и климата были здѣсь не такъ благоприятны, и ихъ выписывали изъ Дамаска. Все побережье и въ особенности область Триполиса славились своими плантаціями сахарнаго тростника. Франки научились у сирійцевъ добывать сахаръ, выдавливая сокъ изъ тростника особыми прессами въ родѣ мельницъ; для этихъ работъ употреблялись часто магометане-плѣнники. Тиръ даже славился своими сахароварнями; отсюда выписалъ Фридрихъ II въ 1239 году мастеровъ, чтобы поднять въ Сициліи упавшее было тамъ сахарное дѣло. Франки, какъ ученики и преемники арабовъ въ Палестинѣ, занялись и насажденіемъ плантацій хлопчатника. Но кажется, эта отрасль земледѣлія не имѣла въ ихъ рукахъ большого успѣха: хлопокъ изъ окрестностей Лаодицеи, Бейрута и Аккона цѣнился всегда ниже привознаго изъ Алеппо и Амаха (Hama) и не могъ равняться даже съ хлопкомъ Арменіи и Дамаска. Подъ господствомъ христіанъ упала и культура бальзамнаго дерева. Петръ изъ Монте-Кассино въ плодородной низинѣ Іерихона нашелъ еще плантаціи этихъ деревьевъ; стволы надрѣзывались острыми камнями, и драгоценный сокъ собирался по каплямъ. Однако франки внимательнѣе отнеслись къ другимъ подобнымъ же дере-

¹⁾ Одна изъ главныхъ крѣпостей сѣверной Сиріи (Castrum Cardorum).

вѣтъ, изъ которыхъ добывались лѣкарства и благовонныя масла, наприм., мирра, мастика, терпентинъ. На границѣ сельско-хозяйственной и собственно промышленной дѣятельности стояло разведеніе шелковичныхъ червей, достигшее въ Сиріи высокой степени процвѣтанія еще при господствѣ византійцевъ; да и франки знали тутовое дерево уже въ южной Италіи и Сициліи. Средоточіемъ этого промысла былъ Триполисъ, гдѣ въ концѣ XIII в. работало не менѣе 4 тысячъ ткацкихъ станковъ для шелку. Къ ткацкой промышленности примыкали красильни; въ долину Иордана разводилось индиго, а на берегу древней Финикіи попрежнему находили знаменитую пурпуровую улитку. Стеклянными произведеніями все еще славился Тиръ.

Но франки не внесли въ страну болѣе совершенныхъ приемовъ хозяйства, развѣ что только италіанскія колоніи (коммуны) и духовно-рыцарскіе ордена примѣняли къ разработкѣ своихъ земель рациональные приемы: вся масса франкского рыцарства не шла далѣе чисто хищническаго отношенія къ угодьямъ и приспособлялась къ тому строю сельской жизни, который сложился еще до крестовыхъ походовъ. Поземельныя отношенія въ сельскихъ областяхъ вели свое начало отъ порядковъ, существовавшихъ подъ византійскимъ владычествомъ. Арабы-завоеватели смѣнили только сирійскихъ и византійскихъ помѣщиковъ въ ихъ власти надъ землями. Колоны (крѣпостные), преимущественно сирійскаго происхожденія, продолжали нести въ пользу арабовъ повинности, къ которымъ они были раньше обязаны относительно грековъ или своихъ единоплеменниковъ. По магометанскому праву, населеніе вновь завоеванныхъ областей должно было платить подушную подать, какъ выкупъ за свою жизнь и свободу, и затѣмъ поземельную подать, которая не должна была превышать половины урожая; то населеніе, которое переходило въ исламъ, попадало еще въ болѣе благоприятныя условія и платило только обычную у магометанъ поземельную десятину. Завоеваніе Палестины турками ничего не измѣнило въ положеніи колоновъ, потому что и среди нихъ господствовали чисто феодальныя отношенія: вожьдъ-завоеватель раздавалъ завоеванныя земли своимъ полководцамъ, которые дробили ихъ далѣе между своими подчиненными. Каждый турокъ-землевладелецъ несъ военную повинность по отношенію къ верховному собственнику, отъ котораго получилъ землю, а доходы съ земли и ея населенія давали ему возможность отбывать эту повинность. Поэтому турки, оставаясь чисто военнымъ слоемъ населенія, не вни-

Сельское
населеніе.

кали въ хозяйственные порядки на своихъ земляхъ, предоставляя ихъ вѣдѣнію самихъ оброчныхъ колоновъ и слѣдя только за правильнымъ поступленіемъ оброка (ренты). Эту оброчную систему хозяйства удержали и рыцари-франки.

Немногочисленные крестьяне, переселявшіеся съ Запада, представляли въ Іерусалимскомъ королевствѣ исключеніе по своему сравнительно независимому положенію. Чаше всего они становились свободными арендаторами и платили за землю франку-рыцарю деньгами или сельско-хозяйственными продуктами. Сохранилась, наприм., грамота Балдуина III отъ 1153 г., опредѣляющая условія, на которыхъ Жираръ-де-Валансъ получилъ отъ короля дозволеніе заселить одинъ хуторъ (*casale*) латинскими колонистами: колонисты получали отъ предпринимателя усадьбу и участки земли въ полную наслѣдственную собственность, но должны были зато платить королю съ урожая своихъ полей $\frac{1}{7}$, съ виноградниковъ и садовъ $\frac{1}{4}$, а съ насажденій маслинъ даже $\frac{2}{3}$; пятнадцатый хлѣбъ изъ ихъ хлѣбныхъ печей принадлежалъ тоже королю.

Напротивъ, масса сельскаго населенія, оставшаяся отъ арабскаго владычества, находилась въ тяжелой крѣпостной зависимости и составляло одно цѣлое съ земельными участками, на которыхъ жила: сирійскій крѣпостной могъ быть даже оторванъ отъ семьи, проданъ, подаренъ или данъ въ обмѣнъ своимъ господиномъ. Кипрскій юристъ Филиппъ Наварскій приравниваетъ такихъ крѣпостныхъ къ рабочему скоту или сельско-хозяйственнымъ орудіямъ; безъ всякихъ личныхъ правъ они были отданы на произволъ рыцарей и фохтовъ. Различіе въ религіи или, по крайней мѣрѣ, въ расѣ между господиномъ и вилланомъ и отсутствіе освященного временемъ „обычая“ сдѣлали крѣпостную зависимость на Востокѣ болѣе тягостной. Въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда Ричардъ Львиное Сердце предоставилъ Кипръ тампльерамъ, они вызвали возстаніе сельскаго населенія острова, вздумавши, было, обращаться съ нимъ, какъ со своими колонами въ Сиріи, т. е. подвергать ихъ побоямъ и облагать податями. Обыкновенно рыцарскій ленъ распадался для цѣлей хозяйства на хутора, а отдѣльный хуторъ (*casale*) дробился уже на плуги (*charrue, araucata*), т. е. участки земли, для ежегодной обработки которыхъ хватало пары воловъ; къ хутору примыкали лѣса и луга, находившіеся въ общемъ пользованіи крестьянъ, а иногда и виноградники, фруктовые сады, насажденія маслинъ. Крѣпостные, обрабатывавшіе такой хуторъ, несли повинности трудомъ, продуктами земли и даже деньгами. Они до-

ставляли въ замокъ рыпаря куръ, яйца, хлѣбъ, медъ. Хотя путешественникъ XIII в. Рубрукъ (Roubrouque) и отмѣчаетъ, что сирійскіе крѣпостные въ общемъ платили $\frac{1}{3}$ урожая, но, кажется, никакихъ твердыхъ предѣловъ для оброка не существовало. Изъ личныхъ повинностей (барщинъ) самая тяжелая—работа надъ проведеніемъ и починкой дорогъ — существовала уже при арабахъ.

Гораздо сильнѣе былъ приливъ западныхъ переселенцевъ въ города, гдѣ прежнее населеніе при первомъ завоеваніи было или перебито, или вытѣснено на окраины. Появленіе крестоносцевъ измѣнило весь строй городской жизни. Какъ разъ здѣсь, однако, чаще всего приходилось сталкиваться и смѣшиваться различнымъ слоямъ пестраго населенія Палестины. Для промысловъ и торговли выходцы съ Запада нуждались на первое время въ переводчикахъ, писцахъ, мѣнникахъ, маклерахъ, стряпчихъ, хорошо знавшихъ мѣстные условія и обычаи; мелкіе промыслы и ремесла тоже остались въ рукахъ чужеземцевъ. Но и по городамъ завоеватели не сливались съ завоеванными, а потому и здѣсь не могло выработаться никакой цѣльной гражданской жизни. Люди различныхъ національностей не могли, напр., свидѣтельствовать другъ противъ друга въ судахъ. Среди пришлаго населенія тоже господствовали рознь и отчужденіе между представителями отдѣльныхъ народностей Запада: франгузы, нѣмцы, итальянцы продолжали поддерживать связи съ родиной и не пускали въ городахъ Палестины такихъ прочныхъ корней, чтобы во всѣхъ сосѣдяхъ видѣть согражданъ и соплеменниковъ; а у итальянцевъ и на новыхъ мѣстахъ жительства тлѣло старое соперничество между венеціанами, пизанцами, генуэзцами и т. д. Въ Акконѣ у итальянскихъ горожанъ были отдѣльные кварталы, у англичанъ и нѣмцевъ ихъ собственные улицы и склады товаровъ; всѣ они жили по обычаямъ своей родины. По образу жизни франки-горожане, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ крупную промышленность и заморскую торговлю, рѣзко отдѣлялись отъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ изъ среды туземцевъ. Окруженные рабами и слугами, эти богатые негоціанты добивались иногда привилегій, которыя ставили ихъ почти на одну ступень со знатью, и даже скупали феодальныя земли у обѣдѣвшихъ рыцарей, нанимая ихъ же потомъ за жалованье для отбыванія военныхъ повинностей. Поэтому врядъ ли показалось чѣмъ-либо чрезвычайнымъ, что Баліанъ д'Ибеленъ, найдя въ Іерусалимѣ послѣ пораженія при Гиттинѣ всего только двухъ рыцарей, выбралъ тотчасъ же изъ горожанъ 50 человѣкъ, способныхъ нести военную

Городское
населеніе.

службу, и посвятилъ ихъ въ рыцари. Но этому привилегированному гражданству не удалось въ Палестинѣ добиться коммунальной независимости, по примѣру Италіи или французскихъ городовъ. Горожане (*burgenses*), какъ члены замкнутой корпораціи, называются наряду со знатью и духовенствомъ для Антиохіи и Іерусалима уже въ грамотахъ 1135—36 гг. Но такой корпораціи не доставало полного самоуправленія. Можетъ быть, ради военныхъ цѣлей іерусалимскіе короли и бароны сосредоточивали всю высшую власть надъ городами въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Горожане находились обыкновенно подъ управленіемъ виконта (вицеграфа), назначеннаго сеньоромъ города безъ участія горожанъ. Ему принадлежали въ городѣ высшая гражданская и военная власти, онъ или его балы предсѣдательствовали и въ *Cour des bourgeois*. Такая „палата горожанъ“ (*cour des bourgeois*), какъ высшее судебное и административное учрежденіе, состояла изъ 12 присяжныхъ (*jugés*) горожанъ, но опять-таки по назначенію.

Торговля. Зато горожанамъ вполне открылось на Востока другое широкое поприще для дѣятельности—это левантская торговля, посредничество между Востокомъ и Западомъ. На берегахъ Палестины совершался теперь обмѣнъ произведеній Европы и Азіи. Купцы Генуи, Пизы, Амальфи, Монпелье и Марселя спускались обыкновенно со своими судами вдоль западнаго берега Италіи до Мессины и послѣ продолжительнаго отдыха держали путь далѣе на греческіе острова: Кандію, Родосъ, Кипръ, откуда уже достигали сирійскаго берега у Тира и Аккона. Съ другой стороны, сюда же приводили караванныя дороги Востока. Изъ Багдада шелъ торговый путь черезъ Эфратъ на Ракку и тамъ раздѣлялся на двѣ вѣтви: одна вела черезъ Алеппо къ Антиохіи и Лаодигеѣ, другая—южная—кончалась у Тортозы и Триполиса. Городъ Алеппо былъ соединенъ караваннымъ путемъ съ Дамаскомъ, откуда ходили караваны паломниковъ въ Мекку. Дамаску, какъ древнему центру восточной торговли, еще легче было питать рынокъ товаровъ на сирійскомъ берегу: знаменитыя затканныя золотомъ матерія и ковры работали на мѣстѣ въ самомъ городѣ, а пряности шли сюда изъ Индіи. Съ Запада на берега Палестины привозились оружіе, сукна, лошади, хлѣбъ, а изъ Сиріи грузились обратно фрукты, вина, сахаръ, хлопъкъ, шелкъ, шерсть армянскихъ овецъ и козъ. Но особенно важна была для Европы закупка тѣхъ пряностей, ароматовъ и красокъ, родиной которыхъ были отдаленныя части Азіи. Перечень левантскихъ товаровъ свидѣтельствуетъ, насколько широко развѣтвля-

лась левантская торговля и какъ глубоко проникала она уже на Востокъ.

Знаменитая амбра шла изъ Аравіи. Арабы часто находили куски этого твердаго, сѣроватаго, подобнаго воску вещества, которое при нагрѣваніи испускало тонкій аромать. О ея происхожденіи ходило на Востокъ много басень—и не удивительно: амбра встрѣчалась то въ волнахъ моря, то на берегу, то среди скалъ, куда, можетъ быть, заносили ее птицы, а иногда во внутренностяхъ нѣкоторыхъ рыбъ, проглотившихъ ароматичные кусочки. Въ дѣйствительности, это было болѣзненное образованіе въ тѣлѣ одного китовиднаго кашалота. На Востокъ изъ амбры дѣлали четки, кресты, цѣлыя статуэтки. Бальзамомъ славился Египетъ. Здѣсь въ саду, принадлежавшемъ султану, надрѣзывалась кора деревца, или обрывались листья, побѣги, и собирался драгоцѣнный сокъ. Этотъ лучший сортъ бальзама раздавался султаномъ въ подарокъ государямъ, вельможамъ и въ госпитали; въ продажу шелъ только остатокъ или то, что садовники выжимали изъ обрѣзковъ. Это ароматичное вещество употреблялось и какъ лѣкарство и для цѣлей богослуженія, наприм., въ св. елеѣ. Гвоздика, какъ лѣкарство и приправа, извѣстна была еще со временъ каролинговъ, но она всегда была въ два—три раза дороже перца, потому что единственнымъ мѣстомъ, гдѣ росли гвоздичныя деревья, были отдаленные Молуккскіе острова. Имбирь шелъ изъ Индіи, а корица изъ Китая и съ Цейлона. Лучшій ладанъ добывался изъ древесной смолы на Кипрѣ и въ Малой Азіи, а лучшій мускусъ—въ Тибетѣ изъ сумчатой железы мускуснаго быка (самца кабарги). Мускатный орѣхъ доходилъ, можетъ быть, съ Зондскихъ острововъ, ревень—изъ Китая сухимъ путемъ черезъ пустыни центральной Азіи, а перецъ—съ Малабарскаго берега Индіи и Цейлона; это была наиболѣе распространенная приправа: въ Средніе Вѣка перецъ оплачиваются иногда пошлины, но цѣна его была настолько высока, что низшимъ классамъ онъ оставался недоступнымъ. Шафранъ и сахарный тростникъ встрѣчались и въ южной Европѣ, и въ Палестинѣ, но лучшіе сорта все-таки доставлялись магометанскими купцами изъ Персіи и Египта. На берегахъ Персидскаго залива открытъ былъ и способъ рафинировки сахара, а оттуда арабы распространили его на З. и на В. Вслѣдствіе своей дороговизны сахаръ употреблялся въ Средніе Вѣка сначала болѣе какъ лѣкарство при грудныхъ болѣзняхъ, и только позднѣе пошли въ торговлю фрукты въ сахарѣ; впрочемъ въ Византіи уже во времена Комненовъ было въ обычаѣ пить воду съ сахаромъ. На-

конепъ, ениміамъ, ароматичный сокъ дерева *Boswellia*, ввозился тоже изъ Аравіи, какъ и амбра. На ряду съ ароматами и пряностями, Востокъ доставлялъ и другой москательный товаръ—краски и всякія смолы. Наприм., растеніе алоэ (*Aloe*) произрастало главнымъ образомъ на островѣ Сокотора; высушенный сокъ различныхъ породъ алоэ (сабуръ) употреблялся какъ лѣкарство или примѣшивался къ нѣкоторымъ краскамъ. Корень галанга, извѣстный какъ лѣкарство и горячительная приправа, привозился изъ Китая и южной Азіи. Индиго удачно разводилось ради краски близъ Кабула и въ Персіи, а камфара доходила лишь изъ Китая, и можетъ быть, съ Суматры, гдѣ добывались самые дорогіе сорта. Кошениль встрѣчалась и въ южной Европѣ, и въ Греціи, и въ Арменіи на особомъ видѣ дуба; это насекомое давало фіолетовую краску. Точно также и марена разводилась какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ, наприм., въ Грузіи. Квасцы для крашенія, золоченія и дубленія получались изъ Малой Азіи, камедь—изъ Индо-Китая и Индіи съ Коромандельскаго берега: здѣсь на нѣкоторыхъ породахъ деревьевъ тысячами размножалась особая тля (*Coccus hassa*), протачивала кору вѣтвей и, смѣшиваясь съ выступавшимъ на поверхность смолистымъ сокомъ, придавала ему красный цвѣтъ; такая застывшая камедь шла на окраску и полировку. На приготовленіе лаковъ и какъ курево употреблялся и другой смолистый сокъ деревьевъ—мастика, добывавшаяся преимущественно на островѣ Хіосѣ. Красный сандалъ, дававшій краску, средневѣковые путешественники находили на Коромандельскомъ берегу, но арабы чаще всего говорятъ о томъ желтомъ и бѣломъ сандалѣ (*Santalum album*), душистое дерево котораго шло на курево; его можно было найти въ обѣихъ Индіяхъ. Другое душистое дерево—дерево алоэ (*Aquilaria agallocha*)—было родомъ изъ Индо-Китая; въ Китай и Индію оно ввозилось, какъ курево при богослуженіи, а въ Европѣ шло на мелкія подѣлки, наприм., ящички и числилось въ спискѣ лѣкарствъ. Къ левантскимъ товарамъ относили также драгоценныя камни, жемчугъ, кораллы, стекло, порцеланъ, слооновую кость, шелкъ, хлопокъ, ковры и восточныя ткани. Въ Египтѣ находили смарагды, въ Персіи—бирюзу, въ Индіи—сафиры и алмазы, на Цейлонѣ—топазы, рубины, гранаты, аметисты, въ Персидскомъ заливѣ и въ проливѣ близъ Цейлона — жемчугъ. Родиной шелка считался Китай, но въ эпоху крестовыхъ походовъ тутовья дерева и шелковичные черви разводились и въ Средней Азіи, и въ Персіи, и въ Сиріи, и даже въ Сициліи.

Левантская торговля не останавливалась на берегахъ Сре-

земнаго моря: изъ Сѣверной Италіи черезъ Альпы товары Востока шли въ города Германіи: Регенсбургъ, Нюренбургъ, Аугсбургъ, Ульмъ. Въ Венеціи былъ громаднѣйшій складъ нѣмецкихъ купцовъ (Fondaco dei Tedeschi), куда стекались какъ произведенія германской промышленности для вывоза, такъ и левантскіе дорогіе товары. Для распространенія восточныхъ тканей и пряностей по Франціи, итальянскіе купцы посѣщали не только ея южныя гавани, но и многолюдную ярмарку въ Шампань. Эта отрасль торговли была такъ важна для всѣхъ европейскихъ народовъ, что никакія запрещенія и ограниченія со стороны католической церкви не могли ни остановить ее, ни сократить. Церковь вообще находила предосудительными мирныя сношенія съ магометанами, а доставку имъ боевыхъ припасовъ — прямо таки преступленіемъ. Тщетно однако издавали свои запрещенія папы Александръ III и Иннокентій III: Венеція, Генуя, Каталонія попрежнему снабжали Египетъ военными матеріалами. Въ 1308 г., когда уже было поздно, папская курія запретила, наконецъ, всякую вообще торговлю съ невѣрными; но никто не обратилъ на это вниманія; эта мѣра не могла остановить даже позорной торговли рабами. Хотя, по законамъ Генуи, рабымагометане съ береговъ Чернаго моря могли вывозиться въ Египетъ только купцами—магометанами же, однако генуэзскіе судовладельцы обходили законъ, отдавая свои корабли въ наймы восточнымъ рабочимъ. Напротивъ, продажа магометанъ на Западъ въ руки христіанъ была дозволена: рабы, проданные Кипчакской ордой татаръ или плѣнные сарадины изъ Сиріи тысячами попадали на рынки Генуи и Венеціи. Даже принимая крещеніе, эти несчастные не всегда получали свободу.

Развѣтвляясь по Европѣ и Азіи, левантская торговля вела къ развитію денежнаго хозяйства, обмѣна различныхъ монетныхъ единицъ и вексельныхъ оборотовъ, вызванныхъ къ жизни уже крестовыми походами. Въѣдъ, каждый крестоносецъ бралъ съ собой деньги въ монетѣ своей родины. До сихъ поръ въ Палестинѣ находятъ изъ эпохи крестовыхъ походовъ монеты Фландріи, Артуа, Беарна, Прованса, Кастиліи, Арагоніи и различныхъ итальянскихъ городовъ, затѣмъ монеты германскихъ императоровъ и архіепископовъ Кёльна и Майнца, монеты англійской чеканки и византійскіе типы, отчеканенные норманнами въ Неаполѣ, Салерно и Беневентѣ. Въ Палестинѣ крестоносцы нашли уже въ обращеніи греческую и арабскую монету, а бароны вновь завоеванныхъ феодаловъ вскорѣ стали чеканить свою собственную, по большей части мѣдную и мелкую

Монета.

серебряную монету для обращенія въ странѣ. Впрочемъ, для крупныхъ торговыхъ оборотовъ, въ особенности съ Востокомъ, возникла особая золотая монета—это *Byzantii saggasenati*, чеканившіяся въ Акконѣ, Тирѣ, Триполисѣ. На этомъ франкскомъ золотѣ вычеканены были арабскія надписи изъ корана съ именами калифовъ и годовъ геджры. Чеканка „сарацинскихъ византиевъ“ составляла привилегію венеціанцевъ. Съ Людовикомъ IX прибылъ въ Св. Землю папскій легатъ—кардиналъ и епископъ Тускулума Эддъ де-Шатору; онъ нашелъ, что обращеніе въ странѣ монеты съ надписями изъ корана составляетъ оскорбленіе для христіанства и идетъ въ разрѣзъ съ цѣлями крестовыхъ походовъ; поэтому онъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви запретилъ ихъ употребленіе. По его ходатайству, папа Иннокентій IV подтвердилъ это запрещеніе. Давы торговые сношенія съ Востокомъ не терпѣли ущерба отъ недостатка подходящей монеты, венеціанцы продолжали чеканить золото по арабскимъ образцамъ и съ надписями арабскими буквами, однако по своему содержанію эти надписи стали теперь христіанскими: въ серединѣ монеты можно найти даже крестъ. Обиліе сортовъ денегъ вело къ развитію промысла мѣняль и понятію денежнаго курса, т.-е. пропорціи, въ какой обмѣнивались различные сорта монеты. Для перевода въ Палестину большихъ суммъ денегъ стали употреблять векселя и тратты (т.-е. переводы суммы денегъ, внесенной, напрм., банкиру въ Генуѣ въ одной монетной единицѣ, на другого банкира въ Палермо съ уплатой въ иной монетѣ). Банкирскими операціями, связанными съ крестовыми походами, занимались въ большихъ размѣрахъ тамплеры. Когда сиръ де-Жуанвиль получилъ приказаніе взять у тамплеровъ сумму въ 30 тысячъ ливровъ, которой не хватало для выкупа Людовика Св., то онъ силой проникъ въ сокровищницу магистра, ордена и овладѣлъ живообразно вкладками богатыхъ паломниковъ и крестоносцевъ, положенными туда на храненіе. Но храмовники не только принимали вклады, но и давали займы: у нихъ занимали Людовикъ VII и Генрихъ III Англіійскій; но круглыя суммы, проставленныя въ долговыхъ роспискахъ, наводягъ на мысль, что ссуды дѣлались за процентъ, которые ради тайны приписывались къ капиталу. Черезъ посредство духовно-рыцарскихъ орденовъ переводились въ Палестину и пожертвованія, собранныя на Западѣ римской церковью въ пользу крестоносцевъ.

Италянскія колоніи. Левантская торговля вызвала къ существованію цѣлую сѣть европейскихъ колоній на берегахъ Сиріи, Архипелага и Чернаго моря. И въ торговлѣ и въ городской жизни Палестины видная роль